

© 2015 г.

В.И. ЖУРАВЛЕВА

ЗАОКЕАНСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ С.Н. СЫРОМЯТНИКОВА, ИЛИ КАК УБЕДИТЬ АМЕРИКАНЦЕВ ИЗУЧАТЬ РОССИЮ

«Мы так мало знаем о России, а то, что мы знаем, по сути, деформирует представление о ней и не отражает действительности. Мы осведомлены о шпионах, секретной полиции, погромах, ссылке в Сибирь, еврейском вопросе, взяточничестве бюрократов... Мы знаем Россию в “интерпретации бульварной прессы”. Три четверти населения Российской империи являются славянами, а большую часть наших иммигрантов таковыми назвать нельзя, а потому их невозможно рассматривать в качестве ее реальных представителей. Они настроены к России враждебно, в то время как девять десятых истинно русских, часть из которых приезжает к нам, не просто испытывают к ней дружественные чувства, но именуют ее “Святая Русь” и верят в нее. Более того, большая часть американцев, отправляющихся в Россию, чтобы по возвращении представить о ней информацию... это жаждущие приключений журналисты, нацеленные на создание сенсационного образа таинственной России, подходящего для киносценария, и авантюристического склада коммерческие агенты, не умеющие говорить по-русски»¹, – писал в 1916 г. военный корреспондент, адвокат, политический деятель и впоследствии дипломат Р. Чайлд. Он доводил до сведения своих сограждан мнение русских о том, что “американцам следует быть терпимыми к их нетерпимости” в таких вещах, как, например, “еврейский вопрос”, если они заинтересованы в развитии сотрудничества. А русских призывал уточнять свое знание о Соединенных Штатах, чтобы отказаться от упрощенных представлений о “стране дымящих заводов” и “нации делателей денег”.

Подобные призывы стали звучать все чаще по обе стороны Атлантики в период Первой мировой войны, открывшей новую страницу в истории российско-американских отношений². Именно тогда в условиях расширявшегося торгово-экономического, военно-политического и гуманитарного сотрудничества между странами впервые в повестку дня их двусторонних отношений был поставлен вопрос о разрушении стереотипов взаимовосприятия и развитии академического изучения друг друга. Возникли специальные организации, такие как, например, Американо-русская

Журавлева Виктория Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета. Руководитель научно-образовательной программы по американистике РГГУ.

¹ *Child R.W.* Potential Russia. New York, 1916, p. 186–187.

² История российско-американских отношений в годы Первой мировой войны нашла отражение в следующих обобщающих работах: *Лебедев В.В.* Русско-американские экономические отношения (1900–1917 гг.). М., 1964; *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917: очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969; *Greyson B.L.* Russian-American Relations in World War. New York, 1979; *Saul N.E.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, 2001.

торговая палата и “Общество сближения между Россией и Америкой”, призванные способствовать развитию деловых и общественных российско-американских связей, а также распространению разноплановой информации о стране-партнере³.

Среди тех, кто вносил свой вклад в этот непростой и непрямолинейный процесс взаимного сближения и взаимного узнавания, оказались и русские, и американцы, люди разных взглядов, общественного положения и профессиональной принадлежности, те, кто специально занимался изучением другой страны и другого народа, и те, кто ратовал за расширение достоверных знаний друг о друге, исходя из национальных интересов – геополитических, социально-экономических, культурных.

Об одном из таких людей, принимавшем участие в процессе переосмысления образа России в США в годы Первой мировой войны, и пойдет речь в данной статье.

СЫРОМЯТНИКОВ: ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

Сергей Николаевич Сыромятников (1864–1933/1934) – русский публицист, писавший под литературным псевдонимом Сигма, мыслитель и общественный деятель консервативного толка, ученый-востоковед и путешественник-разведчик.

В 1890 г. он окончил Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата права, но еще раньше, с 1888 г., начал заниматься журналистской деятельностью в качестве сотрудника газеты “Неделя”. В 1893 г. Сыромятников был принят в штат газеты “Новое время” и как ее корреспондент в 1897 г. отправился на Восток в составе миссии Эспера Ухтомского. Миссия посетила Китай, Японию, Корею, Приморскую и Амурскую области и через Америку вернулась в Россию. Итогом поездки стал составленный Сыромятниковым “Очерк современного положения Кореи”. В 1898 г. он принял участие в комплексной научной экспедиции в северную Корею, где занимался обследованием Чембоксанского хребта и проведением маршрутных съемок. Экспедиция обобщила свою работу в капитальном труде “Военный обзор Кореи”. В 1900 г. на берегах Персидского залива Сыромятников изучал возможности по продвижению русских товаров в Южную Персию и Месопотамию. Во всех этих поездках он выступал не только в роли журналиста и ученого-востоковеда, но и занимался сбором ценной информации военного и дипломатического характера, за что впоследствии получил правительственные награды⁴.

Именно тогда укрепилась вера Сыромятникова в то, что России необходимо выстраивать грамотную политику на азиатском направлении (в Корее, Маньчжурии и на территориях, прилегающих к Персидскому заливу), что положение Российской империи в Европе зависит от ее положения в Азии. По его мнению, Россия представляла собой восточный тип цивилизации, для которого не характерны рационализм, индивидуализм и материализм, и поэтому в противостоянии Востока и Запада она должна стать защитницей первого⁵. Во взглядах Сыромятникова второй половины 1890-х годов проступают и “восточничество” Эспера Ухтомского, и рассуждения об угрозе панмонголизма русского философа и поэта Владимира Соловьева⁶.

После возвращения из поездок по Востоку Сыромятников принял участие в создании “Русского собрания”, считая главной целью этой организации определение национальных ценностных ориентиров русского общества, формирование представлений

³ Saul N.E. War and Revolution, p. 26–31; Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012, с. 997–1111.

⁴ Сыромятников Б.Д. “Странные” путешествия и командировки “СИГМЫ” (1897...1916 годы): историко-документальная повесть-расследование. СПб., 2004, с. 10, 50; *его же*. У истоков отечественного корееведения. Забытые имена: Сергей Николаевич Сыромятников. – Вестник Центра корейского языка и культуры. СПб., 2005, с. 113–117, 122–129.

⁵ Сыромятников Б.Д. “Странные” путешествия и командировки “СИГМЫ”, с. 107.

⁶ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009, с. 70–94, 341.

о необходимости сверять настоящее и будущее России с ее историческим прошлым. Публицист стал представителем левого крыла организации и, оставаясь монархистом, призывал к проведению реформ с целью уничтожения всевластия бюрократии и распространения законосовещательных органов. Свои взгляды Сыромятников изложил в 1901 г. на страницах книги “Опыты русской мысли”. В 1903 г. в результате произошедшего в руководстве “Русского собрания” раскола и конфликта Сыромятникова с одним из лидеров этой организации В. Величко – поэтом, публицистом и общественным деятелем крайне националистического направления – Сыромятников не был вторично избран товарищем председателя⁷.

В июле 1904 г. он вышел из редколлегии “Нового времени” и отправился на театр боевых действий в Маньчжурию, выполняя обязанности чиновника особых поручений при наместнике на Дальнем Востоке. В это время Сыромятников, уже не склонный преувеличивать значение “желтой угрозы”, призывал к прагматическому отношению как к Западу, так и к Востоку⁸.

После возвращения из Маньчжурии Сыромятников сотрудничал с газетой “Русское слово”, а в 1906 г. после личного знакомства с премьер-министром П.А. Столыпиным был назначен редактором правительственного официоза газеты “Россия”. С этого времени он стал активным сторонником столыпинских преобразований вообще и аграрной реформы, в частности, разъясняя их смысл широкой общественности. Сыромятников ратовал за свободный выход “крепких хозяев” из общины, выступая против сохранения этого “обреченного на гибель института”. По его мнению, в России должен был доминировать сельский уклад, что отвечало ее традициям и способствовало бы сохранению основ русской культуры, а город призван был стать помощником в создании села нового типа – “с библиотекой, музеем и химической лабораторией”⁹.

Итоги русско-японской войны и тесное сотрудничество со Столыпиным привели к изменению геополитических взглядов Сыромятникова. Его больше не занимал вопрос о культурном значении России в Азии, он отказался от мысли о противостоянии Западу при помощи Востока и теперь в духе переселенческой программы премьер-министра предлагал бросить все силы России на освоение Сибири.

Сыромятникова критиковали и либералы, и консерваторы. Первые – за его национализм и антизападничество, вторые – за неприятие радикального национализма и симпатию к евреям, и все вместе – за непоследовательность взглядов и убеждений. Сам же он называл себя “прогрессивным националистом”, приверженцем “истинного, государственного консерватизма”, ориентированного на “сохранение живого и жизнеспособного в народе”, “развитие исторически необходимого”, “защиту испытанного своего против неиспытанного чужого посредством воспитания общественной мысли и чувства”. При смене ориентиров и новой расстановке акцентов неизменным в идейной системе Сыромятникова оставалось представление о самодержавии как об оптимальной форме правления для России, которая должна стать “свободной демократией со свободным царем”, заботящимся обо всех подданных. Этот консервативный мыслитель связывал будущее Российской империи с переходом к “земскому государству”, где существовали бы выборные советы при губернаторах и министрах¹⁰.

⁷ Кирьянов Ю.И. Русское собрание, 1900–1917. М., 2003, с. 25, 28, 34.

⁸ Сигма. Что такое панмонголизм? – Новое время, 6.I.1904.

⁹ Сыромятников С.Н., Юрьевский Б.В. Землеустроительный смотр. (Земельный вопрос в России. Обследование современного состояния хуторских хозяйств). СПб., 1913, с. 16–17, 21–22, 31, 34.

¹⁰ Сыромятников С.Н. (Сигма). Опыты русской мысли. СПб., 1901, с. 44, 71, 98. О взглядах Сыромятникова, кроме указанной книги Б.Д. Сыромятникова, его двоюродного внука, подробнее см.: Репников А.В. С.Н. Сыромятников: штрихи к портрету. – Интеллигенция и мир, 2010, № 3; его же. Сергей Николаевич Сыромятников – ученый, публицист, геополитик. – Русское время. Журнал консервативной мысли, 2010, № 2; Репников А.В., Соловьев К.А. Общественный человек Сигма. – Родина, 2011, № 10.

Последним крупным предвоенным проектом Сыромятникова явилось его участие в подготовке неудачной экспедиции Г.Я. Седова к Северному полюсу в 1912 г.

Первая мировая война внесла серьезные коррективы как в планы, так и во взгляды Сыромятникова, превратив его в активного сторонника сближения России с Англией и Соединенными Штатами Америки, в противовес Германской империи. Впрочем, он и ранее в своих работах ссылался на позитивный опыт Запада в том, что касается создания условий для саморазвития и самореализации личности. В начале войны вышел антигерманский сборник “Наши враги”, на страницах которого Сыромятников развенчивал значение “прусской дружбы” и выступал в защиту Англии. Именно с Англией (а не с Германией, как традиционно считали русские консерваторы) предстояло сплотиться Российской империи, поскольку, как полагал Сыромятников, ни русские, ни англичане не ищут мирового господства и вполне способны разрешить свои противоречия после окончания войны¹¹.

КАК УБЕДИТЬ АМЕРИКАНЦЕВ ИЗУЧАТЬ РОССИЮ

В начале 1915 г. Сыромятникова по линии министерства внутренних дел направили в Соединенные Штаты, поставив перед ним задачу посредством публикаций в прессе и личных контактов распространять в американском обществе разнообразную, но сугубо положительную информацию о России¹². В более широком плане цель этого мероприятия состояла в сближении США и Антанты, чему мешала не только политика изоляционизма вашингтонской администрации, но и ее неготовность выступить в одном блоке с самодержавной Россией.

Русский публицист прибыл в Нью-Йорк 20 февраля 1915 г. на борту корабля “Лузитания”¹³. Он планировал находиться в США до конца июня, однако командировку продлили еще на полгода: результативность деятельности Сыромятникова оказалась высокой.

Выступления в американской прессе он начал с призыва к налаживанию непосредственных торгово-экономических отношений между двумя странами и серьезному изучению России, аргументируя это тем, что после окончания войны Россия переориентирует свою торговлю с Германии на Англию и США, окончательно освободив американского продавца и русского покупателя от посредничества немцев. Развитие же русистики позволит подготовить необходимую почву для этого экономического сближения. В качестве позитивного примера он ссылался на деятельность Школы русистики Ливерпульского университета, которую активно поддерживала Англо-русская торговая палата в Лондоне, и деятельность своего друга, известного английского специалиста по России Бернарда Пейрса. Базой для изучения русистики в Соединенных Штатах, по мнению Сыромятникова, должен был стать Колумбийский университет¹⁴.

¹¹ Сыромятников С.Н. (Сигма). Из русско-германских отношений. – Наши враги. Очерки профессора П.И. Ковалевского, С.Н. Сыромятникова (Сигмы) и А.М. Михайлова, вып. 1. Пг., 1915, с. 59–61; Репников А.В. Образ Германии в представлениях русских консерваторов накануне и в период Первой мировой войны. – Консерватизм в России и Германии: опыт интернационального диалога. Воронеж, 2012, с. 99–101, 104; *его же*. Война России с Германией привела бы к печальным результатам: геополитические прогнозы русских консерваторов. – Свет и тени Великой войны. Первая мировая война в документах. М., 2014, с. 365–391.

¹² В Рукописном отделе Института русской литературы Российской академии наук и в Российском архиве литературы и искусства в фондах Сергея Николаевича Сыромятникова (соответственно, ф. 655 и ф. 1757) материалов о поездке в США обнаружить не удалось. Основная часть использованных в статье архивных материалов, в том числе и опубликованных, отложилась в фондах Архива внешней политики Российской империи.

¹³ Russian Official Here. – The New York Times, 23.II.1915.

¹⁴ Syromiatnikoff S.N. America's Chance for Russian Trade. – The New York Times, 15.III. 1915.

В тот период академическая русистика в США делала лишь первые шаги. Ее развитию способствовала деятельность Арчибалда Кулиджа и Лео Винера в Гарвардском университете, Джорджа Нойеса в Калифорнийском университете и Чарльза Крейна, одного из создателей Славянского лекционного центра в Чикагском университете. Крейн финансировал индивидуальную “русскую программу” Сэмюэля Харпера, вскоре ставшего признанным специалистом по России. Крейн и Харпер принадлежали к либеральному крылу американских русофилов, ратовавших за изучение России. Они находились под очарованием уникальной русской культуры, но при этом делали ставку на либерализацию политического строя Российской империи под руководством таких людей, как П.Н. Милюков.

Однако, несмотря на то, что была создана сеть университетских центров и библиотечных коллекций, а также Фрэнком Голдером защищена первая диссертация по данному направлению, успехи русистики в США до Первой мировой войны оказались весьма скромными. Русский язык преподавался систематически лишь в Гарвардском и Калифорнийском (Беркли) университетах. Отдельные курсы в первую декаду XX в. читались также в Чикагском, Мичиганском, Висконсинском университетах и университете Джонса Хопкинса, а вот программы по русской истории были введены в учебные планы лишь в Гарварде и Беркли. В 1902 г. на отделении славистики Гарварда было 13 студентов, а в 1912–1913 гг. их число увеличилось лишь на два человека¹⁵.

Первая мировая война открыла новую страницу в развитии американской русистики, и свой вклад в этот процесс внес Сыромятников. В ответ на его статью секретарь Колумбийского университета Ф.Д. Факентал опубликовал письмо в редакцию газеты “The New York Times”, в котором сообщал о зарождении в университете Славянского департамента и о численном росте слушателей курсов профессора семитических и славянских языков Дж.Д. Принса. Если в 1913/14 учебном году на курсе по истории славянских государств занимались 6 человек, то в 1914/15 – уже 39. Кроме того, эти студенты посещали занятия по русскому языку, введенные в том же году. Статья завершалась словами: “Безусловно, все это выглядит как достаточно скромное начинание, однако перечисленные факты свидетельствуют о растущей заинтересованности двигаться в том направлении, которое столь искусно обозначил мистер Сыромятников”¹⁶.

Посол России в США Ю.П. Бахметев сообщал в телеграмме от 13(26) марта 1915 г., что профессора Колумбийского университета Дж.Д. Принс и М. Пупин¹⁷ поддерживали идею Сыромятникова об учреждении курсов практического изучения России. Причем, как подчеркивал посол, “Пупин, пользующийся выдающимся положением в научных кругах, надеется собрать среди заинтересованных в развитии русской торговли предприятий все необходимые средства”¹⁸. В свою очередь Принс в период

¹⁵ О развитии русистики в США до Первой мировой войны подробнее см.: *Parry A. America Learns Russian. A History of the Teaching of the Russian Language in the United States.* Syracuse University Press, 1967, p. 45–64; *Byrnes R.F. Awakening American Education to the World. The Role of Archibald Cary Coolidge, 1866–1928.* London, 1982, p. 49–86; *idem. A History of Russian and East European Studies in the United States.* New York – London, 1994, p. 5–19, 173–197; *Saul N.E. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914.* Lawrence, 1996, p. 390–395, 461–464; *idem. The Life and Times of Charles R. Crane, 1858–1939.* New York, 2013, p. 46–48, 52–61; *Engerman D.C. Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development.* Cambridge – London, 2003, p. 54–66; *Журавлева В.И.* Указ. соч., с. 311–319, 972–980.

¹⁶ A Slavonic Department. Letter of Frank D. Fackenthal to the Editor of the New York Times. – The New York Times, 25.III.1915.

¹⁷ *Михайло Пупин* – известный американский физик и химик, по происхождению серб, в 1915 г. стал одним из основателей Национального консультативного комитета по аэронавтике (National Advisory Committee for Aeronautics), предшественника НАСА. С 1911 г. Пупин занимал пост генерального консула Королевства Сербии в Нью-Йорке.

¹⁸ Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. Документы (далее – Россия и США. Документы). Под ред. Г.Н. Севостьянова. Вводные статьи, комментарии, примечания, указатели, переводы Ю.В. Басенко, В.И. Журавлевой, Е.Ю. Сергеева. М., 1999, с. 607.

войны не только способствовал развитию академической русистики в Колумбийском университете, но и читал лекции о России, а также участвовал в сборе средств для российского Общества Красного Креста.

Первым преподавателем русского языка в Колумбийском университете стала в 1915 г. Элизабет Рейнольдс, талантливая американская переводчица и пропагандистка русской литературы и культуры в США. Находясь в постоянной переписке с Сыромятниковым с 1911 г., она познакомилась с ним лично летом 1912 г. во время своего краткого визита в Россию.

По всей видимости, страстно влюбившийся в Рейнольдс Сыромятников пытался убедить ее снова приехать в Россию, но уже надолго, в качестве представителя одной из американских газет или еженедельника, “не враждебных России и не ориентированных на защиту русских евреев”, с целью распространения в США идеи о развитии взаимопонимания между двумя странами и взаимовыгодного экономического сотрудничества¹⁹. Однако из этого его плана ничего не получилось. В 1916 г. Рейнольдс вышла замуж за Нормана Хэпгуда, литературного критика, редактора журналов “Collier’s Weekly” и “Harper’s Weekly”, которым владел Крейн. Журнал был трибуной для распространения разноплановой информации о России. В 1918 г. Рейнольдс стала основательницей русского департамента в Дартмутском колледже.

Э. Рейнольдс и Зинаида Рагозина, американка русского происхождения и давний друг Сыромятникова, сотрудничавшая с ним в газете “Россия”, подключили все свои связи ему в помощь²⁰. Он ратовал не просто за изучение России в США, но за развертывание межуниверситетских обменов студентами, которые занимаются, соответственно, русистикой в Соединенных Штатах и американистикой в России. В одной из своих публикаций он подчеркивал: “Наши молодые люди могли бы многое узнать от вас, а вы, американцы, получили бы возможность приобрести в наших университетах корректные знания о России”²¹.

Сыромятников считал развитие русистики на основе преподавания русского языка необходимым условием для разрушения сложившихся стереотипов и опровержения ложных слухов, тиражируемых в американском обществе при посредничестве русских революционеров, американских евреев и американцев немецкого происхождения. Публицист создавал образ России – “свободной демократической страны, где женщины пользовались равными правами с мужчинами, где сын крестьянина мог пополнить ряды знати, где духовное доминировало над материальным... где правительство было организовано для защиты слабых от всемогущества лордов, а царь выступал в роли покровителя бедных”²². Россия, по его словам, сбросила с себя “чары алкоголизма” после открывшего новые горизонты для русского народа августовского 1914 г. декрета царя. Сыромятников неслучайно неоднократно обращался к теме “отрезвления России”: в глазах американцев пьянство оставалось одним из главных препятствий ее развития. Декрет Николая II был поставлен американскими журналистами и публицистами, общественными и религиозными деятелями в один ряд с реформами Петра I и Александра II²³. Этот сюжет напрямую перекликался с развитием трезвеннического движения в самих США, так же как проблема эмансипации русских женщин напрямую коррелировала с движением за права и расширение социальной роли американских женщин в прогрессивную эру.

¹⁹ Sergey Syromiatnikoff to Elizabeth Reynolds, 18 august 1913. – The Library of Congress, Manuscript Division, Norman Hapgood/Reynolds Families Papers, box 12.

²⁰ Saul N.E. War and Revolution, p. 32, 34.

²¹ England F. In Russia, at Least, Woman’s Rights and Opportunities are Equal to Man’s, Says Count Syromiatnikoff. – The New York Tribune, 10.IV.1915. В ответ на эту публикацию Сыромятников уточнил в своем письме в редакцию, что никогда не имел титула графа.

²² Ibidem.

²³ Johnson W.E. The Liquor Problem in Russia. Westerville, 1915, p. 194–195, 198–199, 204–217; Foglesong D.S. The American Mission and the “Evil Empire”. The Crusade for a “Free Russia” since 1881. Cambridge, 2007, p. 48–49.

В интервью и публикациях Сыромятников пытался в корне изменить русофобский образ России, получивший распространение в американском обществе в предшествующий период. Это был образ страны, управляемой жестоким и деспотичным правителем, победа которой в мировой войне приведет к экспансии агрессивного панславизма, угрожающего западной цивилизации, и чей народ “представляет собой сборище варваров”, а солдаты “развлекаются тем, что сотнями вешают евреев, насилая их жен и дочерей”²⁴.

В противовес этим представлениям Сыромятников апеллировал к идее гармоничного единства царя и народа, объясняя именно этим карательные меры по отношению к политическим преступникам, нацеленным на цареубийство. И в данном случае, а также в ходе борьбы с беззаконием и анархией в период революции 1905–1907 гг., во многом инспирированной из-за границы, русское правительство проявляло оправданную жестокость, убеждал американцев Сыромятников. Он объяснял жестокое отношение русских солдат к евреям в прифронтовой зоне – о чем так много писала американская пресса – тем, что многие из них сотрудничали с Германией, и использовал знакомый прием сравнения антиеврейских погромов в Российской империи и линчеваний афро-американцев в США. Под пером Сыромятникова возникал образ России как страны-освободительницы, чей панславизм был не экспансионистского, а освободительного характера. “В течение последних 50 лет, – писал он, – мы освободили Болгарию от гнета Турции, так же как сейчас мы освобождаем сербов, богемцев, словаков и русских, проживающих в Австрии и Польше, от немецкого ига... Россия медленно идет своей собственной дорогой. Она не эгоистична и отдает больше, чем берет. И она не нуждается ни в какой помощи, кроме той, которая позволит ей выполнить ее миссию”²⁵.

Выводы Сыромятникова о необходимости постижения американцами России через ее историю, “душу и помыслы” перекликаются с призывом американской русофилки и известной переводчицы русской литературы Изабеллы Хэпгуд “Увидеть Россию зрением сердца!” и вообще с рассуждениями участников консервативного крыла русофильского дискурса в США²⁶. Кстати, Хэпгуд, равно как и Рейнольдс, присутствовала на публичной лекции Сыромятникова в “Русском Народном Доме” в Нью-Йорке, когда он рассуждал об освободительной миссии Российской империи по отношению к братьям-славянам и единении русского народа перед лицом немецкого варварства²⁷.

В целом в условиях начавшегося сближения между Российской империей и Соединенными Штатами русофильский дискурс оказался востребован в американском обществе, в особенности в том, что касалось необходимости академического изучения друг друга.

Через три месяца после приезда Сыромятникова в США, 30 апреля (13 мая) 1915 г., посол Бахметев сообщал в Санкт-Петербург, что “благодаря умению и такту, проявленному им в его главных статьях и личных сношениях не только с друзьями России, но и с лицами, питавшими против нас предубеждение”, Сыромятников сумел развернуть результативную деятельность “по осведомлению здешнего общественного мнения об истинном положении дел в России”. Дипломат ходатайствовал о продлении командировки Сыромятникова, который планировал создать курсы практического изучения России и специальную организацию для тиражирования достоверной информации о своей стране²⁸.

Вскоре Сыромятников передал через посла план учреждения в Нью-Йорке “Русско-славянского бюро переводов” (“Russian Slavonic Translation Office”) для оказания постоянного влияния на общественное мнение США посредством распространения в американской прессе точных сведений о событиях в России. Кроме того, в задачи бюро

²⁴ *Syromiatnikoff S. Russia's Big, Slow-Beating Heart. – The New York Times, 23.V.1915.*

²⁵ *Ibidem.*

²⁶ О русофильском дискурсе см. *Журавлева В.И.* Указ. соч., с. 258–271.

²⁷ *См. Русский эмигрант, 17.III.1915.*

²⁸ *Россия и США. Документы, с. 608.*

входила передача переводов из русских газет, журналов и книг агентству “Associated Press”, что должно было стать “основой для правильного изучения России в США”. Сыромятников планировал включить в орбиту деятельности бюро и славянские газеты, находившиеся под контролем Германии, а также снабжать материалами газету “Русский эмигрант”, бывшую на грани закрытия²⁹. Бахметев поддержал все начинания Сыромятникова, равно как и запрашиваемую им сумму в 500 долларов в месяц. После отъезда русского агента, замечал посол в своей телеграмме в министерство иностранных дел от 28 мая (10 июня) 1915 г., необходимо будет найти человека с подходящими политическими убеждениями и отличным английским языком, поставив его деятельность под контроль посольства и генерального консульства³⁰.

Сыромятников пытался противостоять не только русофобам, но и участникам либерально-универсалистского дискурса в США, мечтавшим о либеральной революции западного образца, которая обновит Российскую империю. Один из лидеров американского “движения друзей русской свободы”, либеральный журналист Дж. Кеннан с осени 1914 г. вдохновился идеей русской революции, поскольку, по его мнению, в условиях военного времени происходит консолидация всех прогрессивных сил в стране. Он даже отказался от своего пессимистического взгляда на русское крестьянство, принялся рассуждать о его либеральной и толерантной природе и приветствовал мораторий на продажу водки, которая веками разрушала тело и душу мужика³¹.

Если Кеннан убеждал американцев в том, что война закончится для России победой и революцией и вопрос состоит лишь в том, сможет ли эта революция стать политической и ненасильственной³², то Сыромятников бросил все силы на развенчание “мифа о грядущих в России революционных преобразованиях”. Здесь он использовал три приема: во-первых, как всегда, клеймил “происки Германии”, заинтересованной в революционном взрыве в России и провоцирующей этот взрыв (миф “немецкие деньги для Русской революции”); во-вторых, говорил о грядущем решении “еврейского вопроса”, что ослабит приток евреев в революционное движение (миф “русские евреи – делатели революции”); в-третьих, заявлял о переходе лидеров русской социал-демократии (так называемых меньшевиков-оборонцев), и в частности Г.В. Плеханова, на позиции сотрудничества с правительством в том, что касается войны против немецкого империализма “до победного конца”. Сыромятников тиражировал в американской прессе манифест меньшевиков-оборонцев, опубликованный в ноябре 1915 г. в самарской газете “Волжский день” и подписанный среди прочих Г.В. Плехановым и Л.Г. Дейчем. В манифесте подчеркивалось, что поражение России в борьбе против Германии есть поражение России в борьбе за свободу. По словам Сыромятникова, этот документ свидетельствовал о том, сколь далека страна от революции, несмотря на «настойчивые пророчества немцев и друзей русской “свободы” за рубежом, введенных в заблуждение агентами Германии»³³.

Пытаясь отмежеваться от позиции Сыромятникова – защитника царской России, Дейч ответил на его публикацию отдельной статьей, где заявил, что часть манифеста

²⁹ Газета “Русский эмигрант” в итоге была закрыта, и Сыромятников не смог выкупить ее имущество. Он убеждал Бахметева в том, что “для воспитания русского населения Соединенных Штатов в желательном правительству направлении вместо создания новой газеты было бы более целесообразно развить и подчинить контролю посольства” существующие издания, прежде всего газету Православной миссии в Нью-Йорке “Русская земля”. – Россия и США. Документы, с. 617–618.

³⁰ Там же, с. 608–609.

³¹ Kennan G. The Spiritual Uplift in Russia. – Outlook, v. 108, October 1914, p. 377–380. См. также: Outlook, v. 109, January – February 1915, p. 71–74, 371–374.

³² Travis F. George Kennan and American-Russian Relationship. 1865–1924. Athens, 1990, p. 316–348.

³³ Russia’s Opposition. Letter of S.N. Syromiatnikoff to the Editor of the Sun, October 24. – The New York Sun, 26.X.1915; Syromiatnikoff S.N. The Myth of a Russian Revolution. – The New York Times, 19.XI.1915.

не попала в русские газеты из-за цензуры, а там говорилось, что русский народ воюет не за царя, а за свою свободу, поскольку победа Германии приведет к укреплению старого режима в России. Именно поэтому, подчеркивал Дейч, реакционеры и готовы пойти на заключение сепаратного мира с Германией. Вычеркнутые цензурой абзацы манифеста содержали также слова о том, что русский народ никогда не простит царскому правительству неспособность защитить страну, но нельзя допустить, чтобы именно революционеров обвинили потом в поражении. Парадоксальность ситуации в России заключается в том, резюмировали свои рассуждения авторы манифеста, что лишь национальное поражение может стать мостом к национальной свободе. Для успешной борьбы классов необходимы социальные и политические условия, которых не будет в случае победы Германии. Дейч критиковал главный вывод Сыромятникова об отсутствии признаков революции, настаивая на ее неизбежности в ситуации, когда царское правительство продолжает реакционную и непатриотичную политику, а русскому народу приходится вести войну на два фронта – против врагов внешних и внутренних³⁴.

Такая трактовка позиции русских социал-демократов подрывала выстроенную Сыромятниковым систему аргументации, и он с характерным для него полемическим задором парировал Дейчу: если Россия одержит в этой войне победу, то вряд ли русский народ поднимется на борьбу против тех, кто сделал это возможным! Публицист подчеркивал нецелесообразность изменения основного закона страны в условиях военного времени, каким бы несовершенным он ни был, и настаивал на том, что заявления Дейча “не преуменьшают великого исторического значения того патриотического манифеста, который был опубликован русскими социалистами”³⁵.

Одной из главных задач американской кампании Сыромятникова стало формирование представлений о военной и экономической мощи России как страны кредитоспособной, умеющей воевать и обладающей для этого необходимыми ресурсами. Первый аспект оказался особенно актуален в связи с отступлением русской армии из Галиции и Польши летом – осенью 1915 г., которое стало серьезным моральным потрясением для русской армии и общества и вызвало нелицеприятные комментарии на страницах американской прессы. Сыромятников характеризовал это отступление как стратегическое – с целью выиграть время для наращивания военной промышленности, подготовки и пополнения резервов. По его словам, стратегические планы военного командования не были реализованы ранее в связи с необходимостью поддержать союзников по Антанте. Для подтверждения своих выводов о стратегии командования он ссылаясь на печальный опыт русской кампании Наполеона Бонапарта, а ложную информацию о низком боевом духе русской армии объяснял тем, что новости с Восточного фронта приходят в США через Берлин в антирусской интерпретации³⁶.

В свою очередь вопрос об экономической стабильности Российской империи приобрел особое звучание в связи со стремлением стран Антанты получить займы в США. И в данном случае Сыромятников вступил в полемику с теми, кто подобно одному из американских критиков России Л.М. Меламеду настаивал на том, что ее экономическая система находится на грани краха. Обвиняя своих оппонентов в использовании немецких источников информации, русский публицист указывал на стабильность в тех отраслях экономики, которые являлись основными статьями государственного дохода России. Публикацию в “The New York Globe” Сыромятников заканчивал, используя следующий риторический прием: “Могу ли я задать мистеру Меламеду вопрос: поче-

³⁴ *Deutsch L.* Russia's Winding Road to Freedom. – The New York Times, 25.XI.1915.

³⁵ *Syromiatnikoff S.N.* The Loyalty of Russian Revolutionists. – The New York Times, 2.XII.1915. На эту статью появилось опровержение профессора истории Берлинского университета Т. Шимана, доказывавшего, что “Россия находится на пороге социальной революции, которая только и сможет освободить ее от рабства и тирании”. См. *A German's Dark Picture of Russia. Letter of E.P. Horowitz.* – The New York Times, 5.XII.1915.

³⁶ *The Brooklyn Daily Eagle*, 25.VIII.1915.

му, если Россия находится в таком ужасном экономическом положении, как он пытается убедить читателей, все слухи о мире рождаются в Берлине, а российский парламент, который знает реальную экономическую ситуацию в России лучше мистера Меламеда, единогласно голосует за продолжение войны до победного конца? Может быть, мистер Меламед получает информацию не из России, а из Берлина?”³⁷.

Эта повторяющаяся, как рефрен, мысль об информационной войне Германии против России, которая ведется на страницах прессы США, стала находить все большее понимание в американском обществе, особенно после гибели британского пассажирского лайнера “Лузитания” 7 мая 1915 г. На его борту были и американцы. Безусловно, для масштабного всплеска антигерманских настроений потребовалось вступление США в Первую мировую войну, однако уже в 1916 г. образ “демонического немца” занял свое место в американской политической карикатуристике. Он конструировался художниками посредством использования знакомой по периоду первого кризиса в российско-американских отношениях дихотомии “варварство – цивилизация”. Германская империя постепенно начала вытеснять Россию в иерархии образов внешних враждебных “других”³⁸.

Сыромятников обосновывал необходимость российско-американского сближения особым геополитическим положением России, находящейся между двумя врагами США – Германией и Японией. И политическая карта мира, и история XIX в., заявлял он, подтверждают целесообразность взаимовыгодного сотрудничества между Российской империей и Соединенными Штатами, однако американская пресса и часть американского общества препятствуют развитию взаимопонимания между народами двух стран вследствие деятельности трех враждебных сил: русских революционеров, которых поддерживают такие “друзья русской свободы”, как Кеннан, американцев немецкого происхождения и американских евреев³⁹. Таким образом, привычный пантеон “врагов России в США” в официальном российском дискурсе расширился за счет американских немцев. Место Англии среди внешних врагов Российской империи теперь заняла Германия.

Именно представители трех названных групп стали главными критиками Сыромятникова на страницах американской прессы. Одни критиковали его за искажение реальной ситуации в России с целью развеять идею о грядущей революции, другие – за стремление везде усматривать происки Германии, третьи – за игнорирование “еврейского вопроса”, за то, что он умышленно перекладывает вину за антиеврейское насилие на самих евреев. Представители американо-еврейской общины являлись наиболее последовательными оппонентами Сыромятникова. В противовес ему они сообщали о численности русских евреев, сражавшихся в рядах русской армии против Германии, а не мечтавших, как писал он, уклониться от воинской повинности и бежать в США, и подтверждали фактами масштабы насилия по отношению к евреям в прифронтовой полосе⁴⁰.

В ноябре 1915 г., выступив на страницах “The New York Tribune” с резкой критикой в адрес американских евреев, Сыромятников нарушил правила дипломатического этикета во взаимоотношениях дружественных стран. Крайнее раздражение Бахметева вызвал следующий его пассаж: “Еврейская агитация в американской прессе и обществе представляет угрозу не только для судьбы русских евреев. Она ставит под вопрос

³⁷ Russia’s Economic Vigor. Letters of S.N. Syromiatnikoff to the editor of the Globe, October 12, November 4. – The New York Globe, 15.X, 8.XI.1915. См. также: The Commercial Advertiser, 8.XI.1915.

³⁸ См., например, карикатуры в сатирическом еженедельнике “Лайф”. – Life, v. 64, 1, 24.IX.1914, p. 389, 531; v. 65, 23.III.1915, p. 511; v. 66, 27.VII.1915, p. 189; v. 68, 7.IX.1916, p. 399; v. 69, 15.III.1917, p. 439.

³⁹ Russian and American Public Opinion. Letter of S.N. Syromiatnikoff to the editor of the Tribune, November 22, 1915. – The New York Tribune, 24.XI.1915.

⁴⁰ The Soldier Jew. – The New York Times, 27.V.1915; The New York Sun, 6.IV.1915.

возможность лучшего взаимопонимания между великой республикой и великой империей, поскольку из-за этой агитации у российских государственных деятелей создается ложное представление, будто бы у Соединенных Штатов нет своей собственной политики и своего собственного правительства, что при обсуждении американских дел более предпочтительно и результативно иметь дело с Еврейским союзом”⁴¹.

В своих донесениях Бахметев не скрывал раздражения относительно деятельности американских евреев, которые препятствовали заключению нового торгового договора между странами, и не стеснялся в выражениях⁴². Посол США в России Д. Фрэнсис, в сущности, был с ним солидарен⁴³. Но одно дело высказывания в конфиденциальной дипломатической переписке и совсем другое – выступление на страницах прессы. Кроме того, Бахметев был обеспокоен чрезмерно настойчивой для независимого эксперта критикой германского влияния в США. В итоге дипломат поменял свое мнение о Сыромятникове и, назвав его чрезмерно независимым, непредсказуемым и амбициозным для выполнения возложенной на него миссии агента по связям с общественностью, попросил отозвать Сыромятникова⁴⁴. Бахметев хотел заменить его американцем Дж. Ландфильдом, который преподавал в Беркли, знал Россию и русский язык и был женат на русской. Но тот запросил чрезмерно большой гонорар⁴⁵.

В январе 1916 г., незадолго до отъезда Сыромятникова из США, в “The New York Times” появилась депеша из Берлина, где сообщалось, что Сыромятников был отправлен в Америку для организации пропагандистской кампании в пользу царского правительства. Сыромятников отреагировал письмом в редакцию, где подчеркнул: “Россия не нуждается в пропаганде в Соединенных Штатах в свою пользу, поскольку подавляющее число американских граждан относятся к ней благожелательно. Величайшим препятствием для понимания России американцами является незнание русского языка. Моя основная задача здесь заключается в том, чтобы убедить моих американских друзей изучать русский язык, без чего невозможно познать великую империю”⁴⁶.

Как свидетельствует двоюродный внук Сыромятникова Борис, опиравшийся на семейную переписку, родственники о поездке Сергея Николаевича в США знали немного. “Он рассказывал, – пишет Борис, – что был послан туда с целью содействовать вступлению Америки в войну на стороне наших союзников. Будто его миссия была чисто формальная, так как на самом деле царское правительство этого не хотело, будто бы он перестарался и из-за этого был выведен из игры, как не учитывающий особенностей тонкой дипломатии того времени”⁴⁷.

Конечно, полемический задор сыграл с Сыромятниковым злую шутку, однако не стоит забывать, что его деятельность вполне вписывалась в стремление двух стран сформировать более разноплановые и объективные знания друг о друге, отказаться от стереотипов, наладить взаимное академическое изучение. В результате, хотя в созданном Сыромятниковым “Русско-славянском бюро переводов” в Нью-Йорке работал лишь один сотрудник – мадам де Богори, а его собственная деятельность сводилась к ограниченной рассылке переводов статей из русских газет в американскую прессу, правительство России не оставило идею создания информационного бюро в США. Деятельность бюро получила новый импульс после Февральской революции⁴⁸.

⁴¹ Russian and American Public Opinion. – The New York Tribune, 24.XI.1915.

⁴² См., например, донесение от 5(18) декабря 1912 г., а также телеграмму от 18(31) декабря 1912 г. – Россия и США. Документы, с. 580–582.

⁴³ Barnes H. Standing on a Volcano: The Life and Times of David Rowland Francis. St. Louis, 2001, p. 187.

⁴⁴ Архив внешней политики России (далее – АВПРИ), ф. 134. Архив “Война”, оп. 473, д. 42, л. 196–195об., 234–236.

⁴⁵ Saul N.E. War and Revolution, p. 32.

⁴⁶ Mr. Syromiatnikoff's Position. – The New York Times, 7.I.1916.

⁴⁷ Цит. по: Сыромятников Б.Д. “Странные” путешествия и командировки “СИГМЫ”, с. 89.

⁴⁸ Россия и США. Документы, с. 634–639, 706–707.

Если говорить о развитии русистики в США в целом, то в период Первой мировой войны она действительно расширила свои масштабы. Это выразилось в росте числа студентов в классах по славистике в Беркли и Гарварде и в формировании первой специальной программы преподавания русского языка в Колумбийском университете, где основным двигателем русистики стал Принс. Подобно Сыромятникову, он обосновывал это необходимостью развития торговых отношений с великой Русской империей⁴⁹.

Так что идеи витали в воздухе. В России их активно пропагандировали американофилы Н.А. Бородин и И.Х. Озеров, в США – русофилы и слависты. В этом смысле Сыромятников правильно уловил основные тенденции тех изменений, которые происходили во взаимовосприятии американцев и русских. Он считал, что курсы практического изучения русского языка должны быть открыты именно в Нью-Йорке. И такие курсы были созданы американцами⁵⁰.

Более того, в период Первой мировой войны русистика в США расширила свои географические масштабы. В 1916 г. в университете Сиэтла открылась кафедра русского языка. Русский консул в Номе и Сиэтле Н.В. Богоявленский сообщал в посольство, что успех преподавания русского языка “оказался такой, какого и не ожидали” с учетом не столь уж успешного опыта Калифорнийского университета. На курсе обучались 23 студента днем и 59 вечером, и их число лишь возрастало. “Сам по себе факт открытия курсов русского языка не имел бы особенного значения, – писал Богоявленский в посольство в Вашингтоне, – но в данном случае и при существующих условиях он заслуживает быть отмеченным как мирная победа России в Америке, а затем и главное – как средство бороться с предубеждениями американцев относительно России. Когда три года тому назад я приехал в Америку, то я был поражен той неосведомленности относительно России и всего русского, которую проявляли даже образованные, побывавшие в университете американцы... Если мы имели представление об Америке преувеличенно радушного характера, то американцы грешили преувеличением как раз в обратном направлении... Сиэтл играет роль ворот для торговли штатов с Восточной Сибирью, и нам не все равно, что думает о нас его население”⁵¹.

В передовой статье июньского номера за 1916 г. “Русско-Американского торгового журнала”, издававшегося в Нью-Йорке на двух языках и призванного способствовать экономическому сближению между двумя странами, говорилось: “Громче и чаще в американской печати и частных беседах раздаются голоса о том, что необходимо нам ближе и тщательнее изучать Россию – не механически, ограничиваясь одними лишь цифрами, а ознакомиться с ее стремлениями и упованиями, с ее потенциальными силами и ресурсами, с укладом ее жизни – самым духом ее. Не проходит и месяца, чтобы на американском рынке не появилось несколько книг, трактующих о России. С какой бы точки зрения они ни подходили к вопросу, они все проникнуты одним и тем же духом – духом симпатии к России”⁵².

По замечанию И.Г. Лорис-Меликова, первого секретаря посольства России в США, совершившего путешествие по Среднему Западу в начале 1915 г., граждане Соединенных Штатов, ранее находившиеся под воздействием историй о жестоких погромах, об ужасах сибирской ссылки и о преследованиях финнов, “теперь готовы прислушиваться к живым описаниям русской доблести и духовной и экономической мощи нашего Оте-

⁴⁹ Parry A. Op. cit., p. 65–71.

⁵⁰ Президент Национального городского банка Нью-Йорка (The National City Bank of New York) Ф. Вандерлип в сотрудничестве с Христианской молодежной ассоциацией (The Young Men's Christian Association) открыли в Нью-Йорке классы для изучения русского языка, которые могли посещать те, кто планировал заниматься бизнесом с русскими или посещать Россию. – Parry A. Op. cit., p. 72.

⁵¹ АВПРИ, ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 170, д. 408, л. 3–5об., 7–7об. Донесения от 17(30) октября и 25 ноября (8 декабря) 1916 г.

⁵² Цит. по: Бородин Н. Россия и Америка до войны и во время войны, Известия Общества сближения между Россией и Америкой, вып. 3, сентябрь 1916, с. 1.

чества”. Подтверждая мысль Лорис-Меликова, Бахметев в июле 1916 г. констатировал, что русские “сделались центром внимания, восхищения и надежд американцев”⁵³.

Деятельность Сыромятникова в США ограничивалась двумя факторами. Прежде всего тем, что он был русским и представлял интересы правительства России, а это неизбежно ставило под сомнение объективность его позиции. Гораздо больше доверия вызывали, например, публикации и выступления уже упоминавшегося американского русофила либерального толка С. Харпера, регулярно посещавшего Российскую империю при финансовой поддержке Ч. Крейна. Генеральный консул в Чикаго А.М. Волков высоко оценил результаты деятельности Харпера, заметив в письме в министерство иностранных дел, датированном апрелем 1916 г.: “За время своего пребывания в США профессор Гарпер чрезвычайно деятельно и успешно работал на поприще ознакомления американцев с происходящим ныне у нас на Родине. Газетные статьи, публичные лекции с университетской кафедры и, наконец, разговоры о России среди своих многочисленных и влиятельных знакомых, — все это, вместе взятое, несомненно, должно быть поставлено в заслугу молодому профессору. Я не ошибусь, сказав, что прорусская деятельность профессора Гарпера сделала его в глазах американцев очень популярным и вполне по заслугам стяжала ему репутацию знатока России... Мне же хотелось лишь отметить факт, как нам полезны такие люди, как Гарпер, и как много успевают они, в особенности по сравнению с дорогим оплачиваемыми присяжными журналистами, одного из представителей коих, господина Сигму (Сыромятникова) мы содержали в Штатах”⁵⁴.

Кстати сказать, Сыромятников и Харпер не смогли прийти к взаимопониманию. Впрочем, это неудивительно, поскольку первый был консерваторм, а второй — либералом. Сыромятников даже попытался убедить американского русофила Ч. Крейна, оказывавшего ему всяческую поддержку во время пребывания в Нью-Йорке, не доверять выводам Харпера, поскольку тот слишком много общается с опасными русскими радикалами. В ответ Харпер назвал Сыромятникова “глупым сапожником”, от деятельности которого России мало пользы⁵⁵.

Мешало Сыромятникову в США и то, что внешнеполитическая “повестка дня” Соединенных Штатов в период Первой мировой войны и совместное с Россией противостояние немецкой угрозе создали условия, при которых мессианский либерализм, экономические и религиозные амбиции американцев породили новый всплеск энтузиазма по поводу способности русских создать “Соединенные Штаты России”. Причем впервые произошло сближение позиции “либералов-крестоносцев” и русофилов: и те, и другие лелеяли надежду на обновление России по образцу и подобию Запада. Американские русофилы, что прежде было для них совсем не характерно, с 1915 г. занялись “вестернизацией образа России” путем проведения параллелей в развитии двух стран⁵⁶.

По мере приближения Февральской революции 1917 г. президент и госсекретарь, американские политические и общественные деятели, священники и журналисты, бизнесмены и литераторы начали втягиваться в очередной “крестовый поход” за дело русской свободы, осознавая свою сопричастность к процессу обновления России, чарующей и отталкивающей одновременно, вызывающей сильные эмоции и разноречивые оценки по другую сторону Атлантики.

* * *

Сергей Николаевич Сыромятников шагнул в советскую эпоху. Когда он был по доносу арестован большевиками в 1918 г. и посажен в тюрьму, то напомнил в письме, адресованном В.И. Ленину, что был исключен из университета за хранение нелегаль-

⁵³ Россия и США. Документы, с. 620, 632.

⁵⁴ АВПРИ, ф. Посольство в Вашингтоне, оп. 170, д. 406, л. 151–153.

⁵⁵ *Saul N.E. The Life and Times of Charles R. Crane*, p. 131. Склонный считать миссию Сыромятникова крайне неудачной, Сол также указывает на ее негативную оценку журналистом С. Уошберном. См. *Saul N.E. War and Revolution*, p. 32, note 122.

⁵⁶ *Foglesong D.S. Op. cit.*, p. 48–50.

ной литературы в качестве библиотекаря “Студенческого научно-литературного общества”, членами которого состояли участники заговора 1 марта 1887 г., в том числе Александр Ульянов, брат Ленина. В итоге Сыромятникова освободили и разрешили искать работу по специальности. В 1924 г. он устроился внештатным сотрудником в ленинградский Институт живых восточных языков.

В последние годы жизни Сыромятников готовил для публикации воспоминания о своих путешествиях. К сожалению, они остались незаконченными, иначе в них наверняка нашлось бы место и для описания его поездки в США в период Первой мировой войны, по достоинству не оцененной ни современниками, ни исследователями. Лишь французы высоко оценили результаты американского вояжа Сыромятникова, наградив его в 1917 г. орденом “Почетного легиона” за вклад в дело сближения Антанты и США.